

Старая лошадь (Лев Толстой)

У нас был старый старик Пимен Тимофеич. Ему было 90 лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая: он ходил с палкой и тихо передвигал ногами, Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить; эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат. Он долго ездил: ездил на гумно и кругом сада, и когда он подъезжал назад, мы закричали: «ну, теперь проскачи!»

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат. И он ездил долго, и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из под горы. Он еще хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его. Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота»

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езжу, — стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а только трусил и заворачивал всё назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами. Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бит по голове. Но Воронок всё не хотел скакать. Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

«Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?» Я обиделся и сказал: «как же я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу».

Тогда дядька покачал головой и сказал:

— «Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему 20-ть лет. Лошадь измучена, насилу дышет, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно

как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то через силу погоняли бы его хлыстом. Что-же, вам не жалко бы было»?

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади и, когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощенья за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.